

Любовь измеряется мерой прощения,
привязанность – болью прощания.
(Владимир Леви)

Весна '2000

№7

**Я знаю, что это такое, до тех пор,
пока меня не спросят, что это такое.
(Августин)**

Я сегодня как проснулся,
Так и ахнул - на окошке
Сидел лохматый домовый
И лепешки ел с лукошка.

Увидав, что я проснулся
И смотрю ему в лукошко,
Он припрыгал от окошка
До меня,
и дал лепешку.

Самой вкусной,
самой лучшей
Показалась мне лепешка.
Смеялось солнышко в окошко,
Я захотел еще немножко.

Он сказал, что если я
Завтра ночью перед сном
Крепко-крепко обниму
Свою любимую подушку
И сильно-сильно захочу,
То он опять ко мне придет
И принесет свое лукошко.

Le Vent.

Колыбельная для самого маленького.

Помолчи и приглядиись:
Вот гномик с месяца сойдёт,
Зажжет лучинку маленькой рукой,
Обнимет ласково серебряный поток,
Возьмёт все сны свои и тихо пропоёт
О том, что длинным, долгим днём
Устали люди, и цветы, и лес,
О том, что добрым будет сон.

Он позовёт под крылышко с небес
Прекрасных фей беспечный хоровод.
Сон сладко пробубнит на ухо соловью,
Что ночь пришла и надо спать давно,
Сон разведёт рукой беду
И всем покажет доброе кино –
и соловью, и журавлю,
и всем зверям в лесу.

Он сказку тихо пробубнит
и усыпит лесную детвору.
Придёт он в гости к нам сейчас
и чтоб его нам не сердить,
Давай мы спрячемся бегом
в кровать и помолчим.
Давай послушаем с тобой
ту музыку волшебную ночи,
те песенки сверчка.

Тот гомон падающих вниз осенних листьев.
А они все тоже спать решили лечь,
Всю зиму до весны проспят,
Потом проснутся и травой,
Зелёным мягеньким ковром
Вновь веселить глаза и сердце будут нам.
Ну, а сейчас,
Давай мы спрячемся бегом
в кровать и помолчим.

Мысли о вечном.

Часть 1

Дождь. Окно удержи
чувства капель дождя...
Лес... Весь до нитки промок,
а дождь все идет, бередя
Поле, луг и траву.
Позовет за собой вода...
Целый день идет дождь...
Пусть он не кончится никогда...

Часть 2

Ветер знает все!!! Он властелин!!!
Где пройдут дожди,
Где идут снега –
знает только ветер-озорник.
Знает детвора –
с ветром не шути,
Когда грозный он –
он разрушит город из песка,
и сорвет с веревок белье.
Добрый ветер – лучший друг!
Поцекочет он и охладит,
Поцелует ласково в щеку,
может стукнуть в лоб!
Ветер знает все!!! Он властелин!!!

Сайкил.

На моей орбите солнца потухшие...

На моей орбите странники
Ходят вдаль, ковывая посохом,
Шепелявя слова пространные,
Тишиной поглощенным голосом.

Я остыла тому столетие,
До земли еще свет доносится.
Лет за сто вперед он засветится
Темной ночью, холодной осенью.

И какой-то юнец захлопанный
Со своею почти невестою
Обо мне скажет что-то глупое,
И наивно подарит свет мой ей.

И орбита моя остывшая,
Где вселенная нарисована,
Будет мчаться, горя над крышами,
Полумертвая, полусонная...

Постели мне сегодня рядышком,
И прикрой незаметно форточку.
Я хочу быть сегодня ряженой,
Что б за мною смотрел ты в щелочку.

Я хочу быть сегодня девственной,
Ноготком на копье нанизанной,
Что б движенья под слоем плесени
Стали снова легки и чистые.

Постели мне сегодня рядышком,
Головою к окну, ноги – к выходу,
Чтобы сбросить могла наряды я,
И тихонько бесшумно выскользнуть.

Постели мне сегодня простыни,
Накрахмалены, первобрачные.
От последних снегов до осени
Я себя на тебя потрачу в них.

Только стены скрипят и сетуют
На дожди и сквозные трещины.
В этих щелях ветра беседуют,
А дожди – это реки вечные.

Разложи мне постель не в комнате,
А в забытом углу, под лестницей.
В одеялах из пыли помятой
Мое счастье вполне поместится.

Сентябрь. Женихаются грачи.
Стынет небо.
Мчатся ветры –
Желтых листьев палачи.
Осень – время мокрых красок,
Легких взмахов.
Новых смут.
Старости. И первых классов.
И боязни, что уйдут.
Нежно, кончиками пальцев
Проведет по волосам,
И закружит в нервном вальсе,
И закроет мне глаза.
Как на грани истерии
Искры рвутся от остра,
Я рвану в ее стихию...
И закружит, и завертит
В демоническом кругу,
Где не думают о смерти,
Где не знают “не могу”.
Я забудусь. Я останусь
Среди листьев. Я спасусь
От бездонных океанов
Под одним названьем – Грусть...
Первый снег затушит пламя.
Угли гаснут. Я руками
Загребу в подол золу.
Осень. Пепел. Это память.
Всё пройдет. И я уйду.

Мир – четыре стены
и глухой потолок.
Из свободы лишь сны,
и в решетке окно,
из которого видно четыре стены.

Душевнобольная

Звенели колокола,
вечерней тугой печалью.
К тебе я тогда пришла
закутавшись черной шалью.
Не знала я как начать,
а правда кусала губы:
мне так надоело лгать
и петь под чужие трубы.
Я думала, так легко
сказать тебе всё как было.
Но я не могла не лгать,
а правду совсем забыла.
А прошлое, как на зло
свои отворило двери,
меня забирая на дно,
и все вспоминая потери.
И я начала говорить,
сбиваясь, отрывисто плача,
что некого больше любить,
что мир был ужасно мрачен.
Как я продавала жизнь
и душу свою грешную.
И Бог мне сказал: “Молись!
Потом с тобой потолкуем”.
В молитвах забыла слова
и очень болели колени,
но скоро пошла молва
о грешном моем поклонении.
Я душу молила мою
вернуться к забытой жизни.
Кричала, что всех люблю,
трепала былые мысли.
Но скоро пришли они,
не ангелы и не черти,
одежды белым-белы,
а души чернее черни.
Сказали, что я не в себе
“Таких развелось их много”.
Не дали псалмы допеть.
Не дали найти дорогу.
Звенели колокола,
к заутренней шли крестьяне
И я оказалась больна.
И все, оказалось, знали.

Сни

Во сне приходит домовой,
он открывает двери, окна,
внезапно станет сыро, мокро,
и в дом задымленной трубой
полезут черти.
Где были стены – темный лес,
а пол покроется болотом.
Огромный шкаф стал страшным гротом,
из тьмы его приходит бес.
И в потолке раскаты грома
с угрозой дикой прозвучат...
Ты скажешь, как это знакомо,
ведь это жизнь,
а для кого-то – ад.

Не притворяйся,
глупая Ева.
Яблоко кислое
с этого древа.
Яблоко кислое,
змея не кусается,
грех и без этого
наш сотворится.
Мы и без яблока
знаем любовь,
путь к искуплению
топчется вновь.
Яблоко кислое,
змея не кусается,
грех не искупится,
мы не покаемся.

Понаставленные кресты.
Тот большой – это твой. И прости,
Что нести тяжело. Я б помог.
Только собственный бы доволоч.
И когда будут нас распинать,
Ты другим отпусти грехи.
Им трудней, им же гвозди вбивать,
Ну а нам – только крест нести.

Я бачу ліс

Пожовкле листячко дзвонариком
ляга на землю, спочива.
А десь далеко вже з ліхтарыком
іде зима.
Поволі, ледве так ступаючи ще там, за
обрієм...
А тут розмова золота,
ведуть її травинка і вода.
Ось очерет схилив голівоньку –
шепоче щось на вухо, та нема, –
вже вітерець одніс далесенько,
погрався, викинув усі слова.

Осталась лиш одна мелодія,
одна струна.
І то, вона ще день чи два
впаде листочками.
Остання нота – лист,
і вже зима.

Танець

Пьянящие звуки спустились с небес.
Прошептал ты три слова,
Как будто отец.
Я не знаю: на помощь звал,
в радость, тоску.
Но услышав три скрипки,
как плачут, зовут,
Захотелось мне рядом быть.
Нет, не могу, только в мыслях –
ведь ты далеко.
Эти звуки заставили вздрогнуть,
поднять высоту.
Как же, они так знакомы –
Слова... Это имя... Моё?
Да, конечно же, да!
Только шепот, откуда он взялся тогда.
Почему? Моё сердце вприпрыжку
гоняется за...
Не пойму.
Может, это знамение, а?

Твоё мерцанье губ
Твоё хотенье глаз
Твои слова – отказ.
Твои цветы – моя трава
Твои сады – мои луга
Сквозь тьму твои пророчащие губы
сказывают о большой любви.
Лучом заплел мои растрепанные косы.
Своей улыбкой ослепил затуманенные очи.
Меня пленил, закрыл в душе навеки.
Да, она – любовь была права:
надолго я осталась у тебя.

Хлеба кусок, капли вина,
стол, старые книги на полках разбросаны.
Где-то вдали меркнет свеча.
Дом. Огонек. Мокрый снег.
Под фонарным столбом кто-то лежит.
Легким пушистым ковром одеваюсь... и
спит!..
Может уйти ночью в тиши, превратиться
в цветок?
...Розовый вечер, весна, уголок,
лавочка тот же фонарь.
Глазки открой – небо, свеча.
Пусть разогреют, песню споют, песню
мальца.
Ты возродишься юным птенцом,
и опять мокрый снег, глыба ковра.
Так, никогда, никогда, никогда
капли вина, крошки хлебца
мне не удастся тронуть с стола.

Якцо пливе човен, треба його знайти.
Якби говорити різні речі на одній мові,
то знайшлися б люди, які опрокинули човен і
ніколи не повернулися б до зимової
сплячки.

Мемюа.

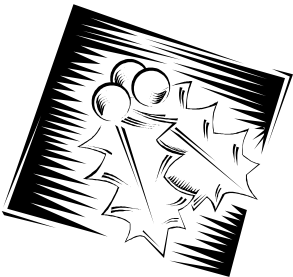

Ще снігом віє хуртовина.
Ще думу думають гаї.
А десь в раю на схилі неба
Співають пісню солов'ї.

Замріявсь сад, завмерло небо,
ліса, долини і поля.
Радіють кущі і дерева –
нарешті прийде вже весна!

Набридло спати їм під снігом,
набридло мерзнути в нудзі.
Натхнені свіжим, новим вітром
до неба тягнуться вони.

І так буває тут щороку.
Життя по колу йде – літа
відходять в пам'ять. А високо
несе надію нам весна.

Залиш мене, моя тривого,
Вже чую голос вдалені.
То ніжний голос. Рідний голос.
То голос милої мені
несе надію.

Дзвенить і струнко, і глибоко.
А де мій власний? Полетів
шукати тебе, моя доле,
щоб зберегти і донести
тобі надію.

Ген-ген за обрій понеслись
і там зустрілись – наші долі
летять вже вдох. А вдалені
на крилах вітру і любові
летить надія.

Десь ріжуть дерева. Десь плаче весна,
бо нікуди нести їй нове життя.
І нікого буде вдягнути в красу
зеленого листя – зелену фату.

І птах не зів'є тут ніколи гнізда.
І не прогляне між листя зоря.
І стомлений вітер на заході дня
не прошепестить нам про своє життя.

Не буде нічого вже. Тільки згорить
у полум'ї в грубі життя мого мить.
Залишаться в пам'яті думи і сни,
і вічне кохання. А решта все – в дим.

Дерек.

Картинная галерея Ветра

© 1997 Prince Of Silence

Все авторские права на произведения принадлежат их авторам.
Разрешено свободное распространение в любом виде при условии
неизвлечения коммерческой выгоды.

Полное или частичное использование материалов в других печатных или
электронных изданиях разрешается только с согласия авторов.

Отклики, идеи и предложения пишите на E-mail: profs@au.ru.

Благодаря им эта газета может стать лучше и интереснее.

Internet-версия газеты: <http://banzai.ussr.to>

Большое спасибо всем, кто помогал в реализации этого проекта.

© & ® 2000 Prince Of Silence